

Юй Чанцин сказал:

— Посмотри.

Ван Дачжуан неловко подошёл, наклонился над картиной и стал внимательно всматриваться. Он увидел, что на рукаве одеяния у запястья Цин Хэня притаился тонкий молодой побег. Этот наивно-милый облик, что же ещё, если не лоза Циншань? На картине Цин Хэнь был одет в зелёные одежды, а лоза была маленькой и пряталась в складках рукава, потому-то раньше на неё и не обращали внимания.

Ван Дачжуан воскликнул с удивлением:

— Это и правда лоза Циншань!

— Теперь понятно, почему барьер тебя не остановил. Оказывается, лоза Циншань когда-то была магическим оружием Цин Хэня.

— Вот это действительно удивительная судьба! — с чувством заметил Ван Дачжуан.

Юй Чанцин, глядя на лозу в руке изображённого человека, нахмурился и погрузился в раздумья.

Ван Дачжуан повернул голову к нему:

— Что с тобой, Сяньцзюнь?

Юй Чанцин всё ещё смотрел на руку человека на картине и сказал:

— По преданиям, при жизни предка Нин Юань лоза Циншань выглядела вовсе не так. Это был просто длинный меч, источающий зелёное сияние и обладающий слабой духовностью. Но стоило ей признать тебя своим хозяином, как она стала такой. Да ещё и так к тебе привязалась, льнёт к тебе, проявляет необычайную близость...

Ван Дачжуан захлопал глазами:

— А, я знаю! Наверное потому что моё мастерство слишком слабое, я не могу превратить её в настоящее оружие... Ой, нет, Сяньцзюнь! Когда ты подавлял действие яда... лекарства, тогда появились два желтокожих. Я одного убил, другой сбежал. В тот момент лоза Циншань изменилась, стала похожа на меч и одним ударом разрубила магическое оружие одного из них!

Юй Чанцин, нахмурившись, вздохнул:

— Об этом я как раз и хотел с тобой поговорить. Твоё мастерство недостаточно, как ты мог так легкомысленно выйти и вступить в бой? Ты знаешь, насколько это опасно?

Ван Дачжуан по привычке потянулся, чтобы погладить его по груди, думая, что по обыкновению Сяньцзюнь сейчас должен рассердиться. Но на этот раз он почему-то не вспылал. Хотя, если выбирать между разочарованными вздохами и гневом, Ван Дачжуан всё же предпочёл бы, чтобы Сяньцзюнь разозлился.

Юй Чанцин всё так же хмурился:

— Что же ты молчишь?

— Они пришли убить тебя... и так громко разговаривали. Я боялся, что они тебя потревожат. Я хотел задержать их, чтобы они не смогли пойти и донести, но, к сожалению, один всё-таки сбежал, — тихо пробормотал Ван Дачжуан.

Юй Чанцин поднял руку и обнял его.

— Пусть доносят. В любом случае они не могли пробить наложенный мной барьер. Тебе достаточно было выпустить сигнальную стрелу и призвать братьев. Зачем было самому вступать в бой?

Ван Дачжуан сомкнул руки, лишь слегка обнимая за талию, боясь придавить рану на его боку, и неуверенно произнёс:

— Я тоже хотел защитить тебя... жаль, что от меня было мало толку...

Юй Чанцин наклонился и поцеловал его в макушку.

— Толк был. Ты убил врага, чьё мастерство было выше твоего уровня, это уже выдающееся достижение. Кто бы что ни говорил, никто не посмеет назвать тебя бесполезным.

Ван Дачжуан, обнимая его, мягко сказал:

— Сяньцзюнь, ты ещё ранен. Иди, приляг, отдохни.

Юй Чанцин кивнул и позволил Ван Дачжуану помочь ему лечь на кровать. Он подвинулся немного вглубь, похлопал по пустому месту рядом с собой и сказал:

— И ты тоже иди.

Ван Дачжуан, как было сказано, поднялся на кровать и лёг на бок лицом к своему Сяньцзюню. С наслаждением погладив его по лицу, он произнёс:

— Сяньцзюнь, ты и правда очень красивый.

Юй Чанцин искоса посмотрел на него:

— В таком жалком виде ты всё ещё считаешь меня красивым?

— Ты всегда красивый, — серьёзно ответил Ван Дачжуан.

Особенно... когда был под действием лекарства.

Жаль только, что тогда он слишком волновался и так и не смог как следует на него насмотреться.

Он протянул руку и коснулся уголка глаза Юй Чанцина. Взгляд его стал задумчивым и глубоким. Когда Сяньцзюнь был охвачен страстью, у внешних уголков его глаз проступил изысканный румянец. На фоне его лица, подобного бессмертному пейзажу, полному отрешённой и небесной чистоты, эта капля яркости выглядела особенно очаровательной и волнующей. Достаточно одного взгляда — и сердце начинало биться как барабан, утрачивалось самообладание, а дыхание становилось тяжёлым.

Как вообще может существовать такой человек? Настолько прекрасный, словно вобравший в себя весь свет между небом и землёй: звёзды вплетены в его волосы, Млечный Путь служит плащом. Он — и лёгкий ветерок с ясной луной, он — и заснеженные горы с ледяными источниками. Никто не в силах отнять его сияние. Даже в беспомощном состоянии он остаётся человеком с горных вершин, с телом из морозного духа, незапятнанным мирской пылью. Он самое прекрасное, самое чистое существо в этом мире. Для других даже взглянуть или прикоснуться к нему — уже кощунство.

И всё же именно такой человек сказал, что влюблён в него, что хочет соединить с ним судьбы и вместе совершенствоваться, плечом к плечу идя к вечной жизни. Всё это было настолько прекрасно, что казалось сном. Хотелось смеяться, и в то же время было страшно, что смех разбудит от этого чудесного видения. Однако сейчас он рядом с ним, его глаза, словно нефрит, переполнены нежностью и сосредоточенно смотрят на него. Перед глазами — его взгляд, полный тепла, под ладонью — прохладная кожа, и всё это до невероятности реально.

К тому же они только что совершили самое близкое, что только может быть между людьми. Между ними кратчайшее расстояние в этом мире. Этот человек принадлежит ему: каждый его взгляд и улыбка, каждая радость и каждая тревога — всё его. Даже каждая прядь волос несёт на себе его след, который невозможно стереть никогда.

Юй Чанцин немного полежал, молча пустил духовную силу по меридианам, совершив малый круговорот ци. Онемение в теле постепенно сошло на нет, а постоянная тупая боль во внутренних органах заметно ослабла.

Он совершенствовался многие годы, и какие только раны не получал. Как только действие лекарства рассеялось, такие внутренние и внешние повреждения для него уже не значили ровным счётом ничего. Заметив, что Ван Дачжуан всё ещё неподвижно смотрит на него, он взял его руку, лежавшую у него на талии, и мягко спросил:

— О чём ты думаешь?

— Думаю о тебе, — честно ответил Ван Дачжуан.

Юй Чанцин не удержался от лёгкой улыбки, настроение его вновь поднялось. Вспомнив, как Ван Дачжуан переживал за него, как ради того, чтобы он не страдал, добровольно согласился быть внизу, он вновь ощутил в сердце волну сильного, трудно сдерживаемого чувства.

Он повернулся на бок и лёг лицом к Ван Дачжуану. Глядя на его мужественное, исполненное достоинства лицо, он не мог сдержать улыбку и мягко сказал:

— Я прямо перед тобой. Что хочешь, то и делай, зачем лишь думать об этом?

Ван Дачжуан смотрел на его слегка разошедшийся из-за позы ворот, на тот небольшой участок нефритово-белой кожи и совершенно непроизвольно сглотнул слюну. Будто околдованный, он пробормотал:

— Я хочу тебя поцеловать.

Юй Чанцин снова тихо рассмеялся и перевернулся на спину, уголки его глаз и бровей искрились улыбкой. Его мягкий взгляд был устремлён на Ван Дачжуана, и он всем видом выражал готовность покорно принять ласки:

— А почему бы и нет?

Перед такой прекрасной картиной и таким приглашением Ван Дачжуан не мог устоять. Он изо всех сил подавил рвущийся из горла волчий рык. Под соблазном этой красоты поясица перестала ныть, а растянутые мышцы на бёдрах перестали болеть. Одним движением он перевернулся, ловко вскочил и прильнул губами к ключице, которая привлекла его внимание.

Юй Чанцин тихо охнул от его натиска, поднял руку и слегка удержал его за спину. Прикрыв глаза, он медленно водил ладонью вверх и вниз, пока та не скользнула под нижний край одежды и не начала нежно ласкать упругую и гладкую кожу.

Ван Дачжуан не обращал никакого внимания на то, что делает эта рука. Он целовал ключицу, затем шею, посасывал мочку уха, прикусывал губы. Его собственные руки тоже не знали покоя. Прохладная кожа под ладонями и на губах неудержимо притягивала его, сводила с ума. Лёгкий холодок на теле он уже совершенно не ощущал.

<http://bllate.org/book/12569/1117999>